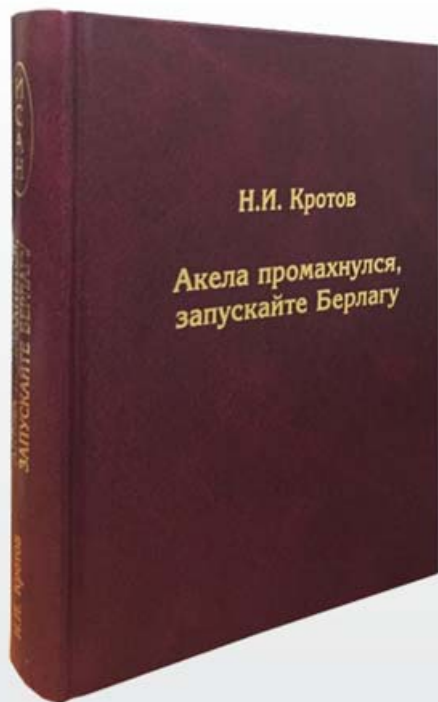

1990-й — ключевой

КРОТОВ Н.И.
Акела промахнулся, запускайте Берлагу.
Попытка понять смысл экономических реформ
1980-х годов. М.: Товарищество научных
изданий КМК, 2019. 708 с.

Книга известного российского писателя, публициста и общественного деятеля, руководителя АНО «Экономическая летопись» Николая Ивановича Кротова «Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов», изданная в 2019 г. Товариществом научных изданий КМК, Институтом системно-стратегического анализа и АНО «Экономическая летопись», посвящена усилиям советского правительства в период с 1983 по 1990 г. преобразовать экономику страны.

Почему все попытки оказались неудачными, автор пытается разобраться, опросив более 60 участников процесса реформирования.

Мы публикуем отрывки из этой книги и открываем серию публикаций главой «1990-й — ключевой»...

«Бедность может быть благородной, нищета всегда унижительна...»

Ф.М. Достоевский

На заседании Политбюро, 12 октября 1989 г., Горбачев заявляет: «1990 год должен нам обеспечить поворот в управлении хозяйством». И продолжает: «Ситуация действительно прогрессирует в нежелательном направлении. Правда, Бейкер и ЦРУ более оптимистичны сейчас в оценке нашей экономики, чем некоторые наши экономисты, например Шмелев» [1, 2].

Аргументы и факты и свобода СМИ

...13 октября на одной из наиболее представительных встреч генерального секретаря с редакторами СМИ и писателями в Мраморном

зале ЦК КПСС, в которой участвовало около ста человек, Горбачев потребовал увольнения главного редактора «Аргументов и фактов» В.А. Старкова. Но впервые глава государства получил не только отказ, но и беспрецедентное сопротивление: «Тогда Горбачев кричал на нас. Вначале на многих сразу, обвиняя прессу в безответственности, левацких загибах и плохом служении партийному делу. Затем он выкричал в зале Старкова, редактора популярной, но не знаменитой еще газеты под названием «Аргументы и факты». Я помню звенящую тишину, в которой Горбачев тыкал пальцем в Старкова и кричал, сверкая неизменными своими очками

в тонкой оправе, что на месте его, Старкова, он бы подал в отставку и ушел из газеты», — вспоминал Коротич.

Вариантов действий у Старкова было два: залечь на дно, не поднимая шума и включив все закулисные механизмы, чтобы Горбачев изменил свое мнение и все осталось на своих местах, или, наоборот, ударить в колокола, поставить на ноги иностранных корреспондентов, подняв побольше шума, устроить пресс-конференцию и так далее.

Между тем в общество «Знание» (учредитель газеты) стали звонить из ЦК и удивленно спрашивать, почему Старков до сих пор не уволен. В газете собирался редакционный совет: «Все высказались в том смысле, что пошлите вы Мишу подальше, — вспоминала редактор экономического отдела Наталья Желнорова. — Но нам легко советовать, мы в команде, да и нас непосредственно вроде это не касается, а шефу-то надо что-то делать. <...> Все сходилось в одном — не сдаваться. В полночь разошлись, предчувствуя, что нам предстоит серьезная схватка за шефа и по большому счету за газету, наше детище».

В это время Старков должен был лететь в США в составе делегации Советского общества дружбы с зарубежными странами и там председательствовать на каком-то круглом столе: «Но накануне вылета ему позвонила возглавлявшая это общество космонавтка Терешкова и сказала, что его поездка отменяется, но будет лучше, если он скажется больным и сам откажется от поездки и выступления. Вот тут он уже наконец понял, что надо орать во все горло. И начал с того, что наорал на Терешкову...»

А 25 ноября Старков дает интервью Владимиру Молчанову в программе «Дои после полуночи». Демонстрируя чемодан писем и телеграмм читателей, он говорит, что властям не удалось добиться его отставки. Не называя имен, говорит лишь, что недовольство возникло «на высшем уровне». И все-таки редакция фактически сдалась, она опубликовала данные нового опроса, подготовленного Центром социологических исследований АОН при ЦК КПСС. В нем поддержку Горбачеву выражали 66% опрошенных.

Однако Старков и еще три работника редакции весной 1990 г. были избраны народными депутатами РСФСР. А после вступления в силу Закона «О печати», приняв «решение трудового коллектива», редакция «АиФ» отмежевалась от учреди-

➤ В марте 1990 г. газета «Аргументы и факты» была внесена в Книгу рекордов Гиннеса как газета с самым большим тиражом в истории человечества — 33,5 млн экземпляров.

теля — Всесоюзного общества «Знание», въехала в прекрасные помещения на улице Мясницкой и стала «совершенно самостоятельным» рупором самых радикальных сил, присоединившись к команде Б.Н. Ельцина.

В марте 1990 г. газета была внесена в Книгу рекордов Гиннеса как газета с самым большим тиражом в истории человечества — 33,5 млн экземпляров. Был побит рекорд китайской «Жэньминь жибао». При этом Старков утверждал, что число читателей газеты было никак не менее 100 млн: так как ее передавали из рук в руки. Михаил Сергеевич уже не контролировал ситуацию, создавая себе врагов, не помогло заигрывание с радикалами в виде снятия с работы через несколько дней после наезда на Старкова главреда «Правды» В.Г. Афанасьева. Поводом для этого стала перепечатанная «Правдой» из итальянской газеты «Република» статья об алкоголизме Ельцина.

Способы ухода тогдашних СМИ из-под опеки государства и общественных организаций, учредивших их, были разнообразны. Одни (как «Аргументы и факты») распределяли акции между сотрудниками, в других единоличным хозяином становился главный редактор. По второму пути пошел «Московский комсомолец». Превращение Павла Гусева, назначенного в редакцию горкомом ВЛКСМ и никогда до этого не имевшего отношения к прессе (он геолог по образованию), в единоличного хозяина предприятия вряд ли можно назвать справедливым, но жизнь показывает, что такая конструкция оказалась наиболее устойчивой.

Не менее справедливым был уход от Верховного Совета газеты «Известия» вместе с издательским комплексом: типографией, недвижимостью в центре города [3, 4]. Эту историю вспомнил

➤ Возглавляемая Л.И. Абалкиным Комиссия по экономической реформе пришла к выводу, что в условиях обостряющегося кризиса необходимо или возвратиться к прежней административно-командной системе, или же форсировать переход к рынку.

и В.А. Покровский. В тот момент ему пришлось поработать главным редактором «Правительственного вестника» и бывать на совещаниях, которые президент проводил для ориентации средств массовой информации. Он рассказывает, что вечно всем «тыкающий» Горбачев тогда на него производил очень неприятное впечатление. Вечером того же дня он участвовал в конференции, организованной Международным союзом журналистов в гостинице ЦК КПСС «Октябрьская» (ныне «Президент-отель»).

В.А. Покровский: «Сразу после открытия конференции председателем МСЖ ему принесли записку, которую он огласил: „Господа, только что стало известно, что Горбачев закрывает газету „Аргументы и факты“». После чего было предложено прервать заседание для выяснения ситуации и выражения протеста. Таким образом мероприятие продлилось всего 15 минут» [5].

Борьба за ликвидацию дефицита, или «Народ нас уберет»

Член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Ю.Д. Маслюков 2 января в интервью газете «Известия» заявил, что с 1990 г. он «связывает начало практической реализации всей социально-экономической программы правительства. Народ разуверится в программе в целом, если уже в 1990 году не почувствует реальных результатов». 1990 г. должен был стать «годом активной работы по ликвидации дефицитности товаров повседневного спроса». Выделенных ресурсов и производственных мощностей по расчетам вице-премьера было на тот момент достаточно, чтобы решить эту задачу.

Прирост этих товаров за год должен был составить 66 млрд руб. против среднегодового прироста в предыдущие четыре года — 17 млрд руб. Предстояло также осуществить меры нормативного характера. Основные из них: «стабилизация потребительского рынка и усиление государственного контроля за ценами; меры по ограничению инвестиционного спроса; экономические санкции за непринятие и невыполнение государственного заказа; введение новой кредитной политики; внесение уточне-

ний в Закон СССР „О государственном предприятии (объединении)“ в части назначения руководителей». <...>

На подготовку этих и других документов отпустились, по словам Юрия Дмитриевича, «буквально дни». С первых дней 1990 г. требовалось осуществлять жесткий контроль за ходом завершения договорной кампании на поставку товаров народного потребления и за выполнением заключенных договоров. Предлагалось при уклонении государственного предприятия от заключения договоров, основанных на госзаказах, брать с них штраф, составляющий 30% стоимости непоставленной продукции (но не более 20% полученной прибыли). При заключении договора на поставку выплаты, предусмотренные штрафными санкциями, должны были прекращаться.

Ю.Д. Маслюков выражал уверенность: «Реальный взгляд на существующее положение в экономике; комплексный подход к решению проблем, объективная оценка предложений известных экономистов на предварительной стадии позволили подготовить, обосновать и отстаивать программу оздоровления экономики и вывод ее на устойчивый режим функционирования».

Заканчивалось интервью Ю.Д. Маслюкова концептуальным заявлением: «В принципиальном плане не подлежит сомнению, что рыночные отношения будут все больше охватывать хозяйственные связи, вытесняя старые методы управления. Но этот переход мы понимаем как непрерывный процесс, а не как разовый акт, процесс созидания, а не разрушения. Форсированный переход экономики в новое качество без создания необходимой базы неизбежно породил бы болезненные коллизии» («Известия», 2 января 1992 г.).

16 января Президиум Совета Министров СССР вновь рассмотрел вопрос о неотложных мерах по нормализации потребительского рынка и денежного обращения в стране. В проект вновь внесли коррективы. Было решено установить более напряженные задания министерствам и ведомствам по вовлечению в оборот

имеющихся на предприятиях сверхнормативных материальных запасов. Частично их направляли кооперативам, частью — напрямую реализовывали населению. Только Минавтосельхозмаш должен был изыскать изделий на 103 млн руб., Минтяжмаш — на 70 млн, Минлеспром — на 41 млн, Минэлектронпром — на 24 млн руб. Всего дополнительно к плану следовало изыскать ресурсов на 1,5 млрд руб. («Известия», 17 января 1992 г.).

Тем временем известный «успокоитель» М.С. Горбачев 19 января своим выступлением на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников снимал с участников озабоченность положением дел в стране, ходом перестройки: «Перестройка вступила в трудную, я бы сказал, решающую фазу своего развития. Позади — в какой-то мере — митинги, хотя еще и есть они, позади дискуссии относительно политики перестройки, ее главных целей. Мы подошли к очень важному этапу воплощения этой политики в жизнь».

Перестройка разворачивается и вширь, и вглубь, захватывая все слои общества нашей огромной страны, все сферы жизни. И поскольку речь идет о глубоких фундаментальных переменных, без чего не может произойти обновление общества, невозможен выход его на новое качество функционирования, организации, то этот процесс приобретает и острые формы. Это вы все чувствуете, все мы чувствуем. Мы становимся участниками решающего столкновения старого и нового, различных позиций, мнений и, конечно, интересов. <...>

Задается вопрос: не допустили ли мы ошибки в выборе направления перестройки? И, конечно, все хотят знать, когда позитивные перемены приобретут устойчивый характер и будут приносить весомые результаты. Все это естественные, жизненные вопросы, ибо наш человек так устроен, что его интересует не только своя собственная судьба, но и судьба трудового коллектива, республики, народа, страны в целом...

Прежде всего еще раз подчеркну: не чьи-то выдумки, субъективные желания, стремления, амбиции, а сама жизнь подвела нас к идеям радикальной перестройки. Она нам необходима. Мы просто больше не можем жить так, как жили. Перестройка нам нужна как воздух. Нужна для того, чтобы раскрыть возможности нашего социалистического строя. Нужна для того, чтобы

Документы Комиссии по совершенствованию управления планирования и хозяйственного механизма

использовать тот огромный капитал, который мы накопили за годы советской власти. Имею в виду и научно-технический, и весь интеллектуальный потенциал нашего общества, и те огромные ресурсы, которыми надо с каждым днем распоряжаться все более умело, чтобы обеспечить достойную жизнь и нынешних поколений, и будущих. <...>

Наконец, хотел сказать о главном. Исходный пункт политики перестройки — это все-таки забота о человеке. Именно в центр политики перестройки мы поставили человека, его жизнь и заботы, интересы и стремления, уверенное будущее новых поколений, и сориентировать, повернуть всю нашу экономику, политический процесс, духовное развитие именно в эту сторону, вывести людей из состояния, в котором

они оказались в результате отрыва и от средств производства, и от работы Советов, от участия в управлении страной, — это вопрос вопросов. Это, конечно, задача исторического масштаба. <...>

Мы встали на путь глубоких реформ в экономике — и это затронуло отношения собственности, формы хозяйствования и управления. Существенно меняется положение человека на производстве, а это — основополагающая сфера жизни. От того, как будут идти, какой характер носить перемены в экономике, в решающей мере будет зависеть то, каким станет наше общество. Это то, что мы привыкли называть базисом общества.

Перестройка открыла путь глубоким социально-экономическим преобразованиям во всех отраслях народного хозяйства. Через новые формы хозяйствования и управления, новую систему стимулирования мы хотим соединить интересы людей труда с достижениями научно-технического прогресса, чтобы выйти на новый уровень производительности. Производительности труда, которая накануне перестройки еле-еле повышалась. А без роста производительности труда, основанной на заинтересованности самого труженика и использовании научно-технического прогресса, никакого нового уровня труда не будет» («Известия», 18 января 1992 г.).

В другой части этой длинной речи смысла было столь же мало...

В конце января 1990 г. Михаил Сергеевич разослал членам Политбюро записку отдела экономической политики ЦК, предложив обсудить вопрос о мерах оздоровления финансов и потребительского рынка. Н.И. Рыжков, по словам ген-

сека, не скрывал своего недовольства запиской, остро критиковал газеты, телевидение и радио.

Проанализировав в начале 1990 г. складывающуюся в стране экономическую ситуацию, возглавляемая Л.И. Абалкиным Комиссия по экономической реформе пришла к выводу, что в условиях обостряющегося кризиса необходимо или возвратиться к прежней административно-командной системе, или же форсировать переход к рынку [6].

Леонид Иванович Абалкин тогда даже направил в ЦК КПСС и в Верховный Совет записку, в которой выразил желательность существенного увеличения полномочий и эффективности власти — вплоть до введения чрезвычайного положения. Также он требовал запретить хотя бы на год проведение забастовок, считал необходимым отмену выборов директоров предприятий, усиление контроля за информацией. Только таким путем, по мнению вице-премьера, можно было стабилизировать экономическую ситуацию в стране¹.

В самом начале 1990 г. все члены Президиума Совета Министров СССР выступили в «Правительственном вестнике» с короткими статьями, излагавшими суть их представлений о работе правительства в новом году. Л.И. Абалкин, в частности, заявил там: «Очень важно конкретные установки съезда воплотить в целевые программы, такие, как программа формирования социалистического рынка, демонополизации производства, создания сети мелких и средних предприятий, борьбы с инфляцией и другие».

22 января 1990 г. на заседании Политбюро обсуждали проект платформы КПСС к пленуму ЦК и наконец коснулись основополагающих вопросов.

➤ Главный вопрос — время. Его у нас нет...

«Яковлев. Частная собственность. Не вижу, чего мы боимся. У Маркса в „Капитале“...

Горбачев. Надо снять противоречие. Мы уже приняли термин „индивидуальная трудовая деятельность“. Фактически это то же самое. <...>

Зайков. „Плата за землю“. Что это — торговать землей будем? <...>

Медведев. Планово-рыночная экономика — это „находка“! Но нет НТР.

Шеварднадзе. Надо прямо сказать, что за десять лет выйдем на мировые стандарты в экономике. <...>

Слюньков. В тексте нет понятий „марксизм-ленинизм“, „коммунизм“. Собственность, право на все ее виды, но без эксплуатации.

Ивашко. Частная собственность — в документе о ней говорится, как о совершившемся факте. Что это такое? Сказать об отрицании эксплуатации. Рынок. Говорим о планово-рыночной экономике, а пойдет пещерный рынок. Надо определиться по ограничителям. <...> В экономическом разделе на первое место поставить задачу накормить людей.

Бирюкова. Нет ясности по вопросу о собственности и рынке. Люди напуганы кооперацией и боятся восстановления частной собственности и эксплуатации. Выпало понятие „социальная справедливость“. <...>

Абалкин (академик, заместитель председателя Совета Министров СССР). Двойственное впечатление, в плену крайностей. Девять десятых населения ждут от нас, будет ли мясо, уберем ли среду обитания и т.д. Если за два-три года не стабилизировать рынок — а мы обещали это сделать в 1990 году, — то ничего не состоится. Завоевания социализма не сводятся к проявлению тоталитаризма. Здравоохранение, образование, страхование — это не имманентно капитализму XIX века. В современной цивилизации — все это от социализма.

Ситарян. Нельзя говорить, что партия даст квартиры каждому к 2000 году. Это — не дело партии. Пусть частная собственность возникнет,

но не потому, что ее партия стимулирует» [1, с. 546–550].

Очень бурным было и заседание Политбюро 29 января. Обсуждали финансово-экономическое положение страны и введение президентской власти. Рыжков констатировал, что положение сложное, можно сказать, критическое и продолжает ухудшаться. Пик кризиса в 1989 г. не пройден. Слюньков заострил тему: положение мало назвать сложным. Люди не верят в перспективу. И ее действительно нет у правительства, которое не сумело сбалансировать расходы и доходы. А главное — опять отложена реформа цен: я, заявил он, за единовременное решение по ценам. Правительство — за ползучий вариант. Но и его мы пока не имеем... Постановлений и указаний правительства никто не выполняет. 30% предприятий не выполнили план, а премии получили все. Незавершенка — 60 млрд руб.

А.С. Черняев: «Слюньков изложил свой проект, который, мне потом показалось, строился по той же логике, что и программа „500 дней“. И сказал, что, если мы в феврале-марте не пойдем на крупные решения, все покатится к катастрофе. Кстати, и Лигачев (впрочем, чтобы лишний раз долбануть Рыжкова: не терпели друг друга!) выступил за то, чтобы в 1990 г. провести денежную реформу, полную реформу цен, ввести новую систему налогов, но при этом... не тронуть малоимущих.

В остальном — привычное: навести порядок, укрепить дисциплину, повысить спрос, снимать с постов, показательные суды, контроль снизу и, конечно, разносная критика в адрес средств массовой информации, особенно ТВ, программы „Время“, где „Тихомиров совсем распоясался“.

А Горбачев, подытоживая, констатировал, что обещанного на 1989 год поворота в экономике не обеспечили. И люди теряют веру. Так вести дело нельзя. Это относится ко всем в этом зале. Если так и дальше будем работать — обречены. Народ нас уберет. Главный вопрос — время. Его у нас нет. Оно измеряется месяцами...» [7].

Следует отметить принятие 2 февраля 1990 г. постановления Совета Министров СССР № 105 «Об уточнении порядка исчисления прироста средств, направляемых на оплату труда предприятиями (объединениями) и организациями при уплате регулирующего налога в 1990 году».

Благодаря ему любое предприятие получало возможность увеличивать фонд оплаты труда. Но оно было привязано к росту объемов производства, к нему давался бонус — 3%. В этом ограничении в конце концов будет обвинен Л.И. Абалкин, хотя он был единственным, кто выступил против него при обсуждении этого вопроса на Президиуме Совмина.

➤ «Неуклюжие политические шаги наших руководителей» возникали во многом из-за «самоубийственного характера созданной в России системы управления».

В.Н. Семенов: «Когда разговор коснулся низкой эффективности предприятий, то Павлов сказал: „Повысить эффективность работы предприятий может только рынок“. „Но рынок вызовет повышение цен, отмену дотаций и пересмотр оплаты труда“, — возразил я. „От этого нам не уйти“, — ответил он» [8].

Самоубийственная система управления?

Н.Я. Петраков считал, что «неуклюжие политические шаги наших руководителей» возникали во многом из-за «самоубийственного характера созданной в России системы управления» — руководство просто не знало, что происходит в стране: «Когда я стал советником Горбачева, <...> ежедневно мне на стол попадало огромное количество информации, которая предназначалась для Горбачева и параллельно предоставлялась в мое распоряжение. Хотя вся эта информация шла под грифом „секретно“ и „совершенно секретно“, она в значительной мере представляла собой демагогически препарированные факты, подобранные совершенно под определенную точку зрения и освещающие проблемы только с одной стороны. Поскольку я никогда не порывал связи со своими коллегами, всегда получал информацию от различных кругов демократического движения, я очень легко мог сопоставить реальные факты с их изложением в документах, поступающих к Горбачеву. Более того, я мог легко убедиться, что многие реальные факты политической и экономической жизни просто замалчиваются и не доводятся до сведения первых лиц в государстве» [9].

29 января на заседании Политбюро заслушан доклад Н.И. Рыжкова «О реализации неотложных мер по оздоровлению финансов и потребностей рынка». Николай Иванович буквально кричит: положение в народном хозяйстве не улучшается, объем неудовлетворенного спро-

са в 165 млрд руб., фонд оплаты труда растет и ныне вместо 10 уже фактически 28 млрд руб. В кооперативных предприятиях до 40% выручки идет на зарплату. Он призывает: необходимо вводить прогрессивный налог с граждан, организовать налоговую инспекцию, ограничить перекачку безналичных денег в наличные. Увеличить производство товаров. Для чего предлагает:

организовать коммерческую торговлю дорогами импортными товарами, организовать продажу жилья...

Говорит о необходимости коррекции некоторых пунктов Закона о госпредприятиях. В частности, следует отменить выборность руководителей предприятий и ограничить функции СТК.

Лигачев: «Нужна денежная реформа. Налогообложение и комплексная реформа цен. Исполнительная дисциплина падает, хозяйства срывают поставки продукции в союзный фонд. Партийные комитеты ушли от практических дел».

Маслюков: «Правительство должно иметь право работать самостоятельно. Надо начинать трогать цены, деньги, налоги».

Бакланов: «Министерства бесправны. Во взаимоотношениях предприятий по существу процветает рэкет, вымогательство. СТК „повязали“ директора — плати деньги и все».

Яковлев: «Предложения Совета Министров принять. Немедленно разработать меры о реформе ценообразования и денежной реформе, а также и налоговой политике. Совершенствовать всю финансовую систему. Борьба с дикой бесхозяйственностью. Нет спроса и ответственности. Нужны демонополизация и арендные отношения в промышленности».

М.С. Горбачев тогда же находит панацею от всех бед: он ставит вопрос о необходимости решить проблему укрепления государственной власти в стране: ввести пост президента, иметь Государственный совет, самостоятельное правительство.

9 февраля Н.И. Рыжков в Сыктывкаре на рабочем совещании вновь говорил о проблемах

оздоровления и совершенствования экономики страны. «Чтобы найти рациональный путь дальнейшего развития экономической реформы, рассматривалось три возможных варианта. Предстояло выбрать, как идти дальше. Либо путем мелких, растянутых во времени улучшений хозяйственного механизма, или безоглядно ринуться в пучину рыночной стихии без необходимых условий и действенных регуляторов. И то и другое было отвергнуто. Выбран радикально-умеренный вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы с реальностью действий на всех уровнях управления и с учетом объективной готовности общества воспринять перемены. Расчеты подтверждают: такой путь приведет к цели быстрее, а главное, с наименьшими издержками», — сказал Н.И. Рыжков.

И продолжил: «Оценив всю совокупность резко обострившихся экономических, социальных и политических проблем, правительство пришло к выводу о предпочтительности варианта, предусматривающего ускоренную социальную переориентацию экономики в тринадцатой пятилетке и сдержанное развитие во имя этого базовых отраслей. <...> Метод достижения цели на этом этапе основан на взвешенном сочетании жестких директивных мер с нарастающим воздействием экономических рычагов. Словом, одновременно с директивным управлением начнут развиваться рыночные отношения. На втором этапе в максимальной степени вступят в силу экономические методы, всемерно активизируется рынок».

Первым и важнейшим этапом оздоровления народного хозяйства и реализации концепции радикальной экономической реформы были названы 1990–1992 гг. Именно в этот период должен был быть осуществлен «комплекс чрезвычайных мер по преодолению негативных явлений в экономике, и прежде всего таких, как глубокая разбалансированность потребительского рынка, расстройство финансов и денежного обращения» («Известия», 11 февраля 1992 г.).

И особое место в этом периоде премьер выделял текущему 1990 году. Именно тогда предстояло создать основы преодоления кризисных явлений. Был обещан «*крупный структурный маневр*». Ускорение темпов роста рассчитывали достигнуть почти полностью за счет роста потребительского сектора экономики при одновременной стабилизации, а в ряде случаев

Документы Экономического совета

и уменьшения воспроизводственных ресурсов. Так, прирост производства группы «Б» промышленности должен был составить 7,6%, а группы «А» — всего 0,8%.

13 февраля был опубликован проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду «К гуманному, демократическому социализму», одобренный февральским (1990 г.) Пленумом ЦК КПСС. В разделе «За эффективную планово-рыночную экономику» партия, как самую неотложную задачу рассматривала проведение в жизнь выработанной Советом Министров и одобренной Съездом народных депутатов СССР системы мер по стабилизации потребительского рынка, и прежде всего — ликвидации разрыва между наличием денежной массы и товарным покрытием. Вновь преобладали абстрактные лозунги, вроде следующего: «Необходимо, чтобы предпринимаемые меры носили четко выраженную социальную направленность, улучшали экономическое положение в первую очередь низкооплачиваемых слоев населения. Наиболее острой проблемой остается снабжение населения продовольствием».

Основой решения продовольственной проблемы провозглашалось развитие «всех форм хозяйствования на земле — одинаковые возможности должны иметь государственные, кооперативные, индивидуальные хозяйства, разнообразные формы хозяйствования — подрядные, арендные, семейные и другие».

О частной собственности речь не шла. Зато отмечалась необходимость использования «более гибких экономических инструментов и нормативов, которые препятствовали бы образованию

Документы Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма при Совете Министров СССР

необоснованных доходов, выпуску в обращение денег, не обеспеченных соответствующей товарной массой».

Все надежды еще были связаны с радикальной экономической реформой, в результате которой «на смену командно-распределительной системе с присущими ей монополизмом и безынициативностью, затратностью и бесхозяйственностью, забвением интересов потребителей должна прийти *планово-рыночная экономика, основанная на многообразии форм собственности*» (выделено авт. — *Примеч. ред.*).

Далее шли заверения в том, что руководство партии остается верно социалистическому выбору и наиболее сложная проблема экономической реформы — нахождение органичного сочетания плановых и рыночных методов регулирования хозяйственной деятельности. После этого сказанный вскользь призыв «*включения советской экономики в мирохозяйственные связи, перехода на конвертируемость рубля*» остался незамеченным.

Недвусмысленно говорится и о неперменном условии включения рыночного регулирования экономики — перестройке ценообразования. Эта тема станет центральной в ближайшие несколько месяцев. А пока провозглашается: «Искусственно созданные уровни и пропорции цен, бремя неэффективных дотаций для одних и разорительных изъятий у других дают ложные ориентиры хозяйствованию, путают оценки его эффекта, консервируют научно-техническую отсталость, препятствуют использованию преимуществ международного разделения труда».

Итак, люди предупреждены. Правда, чтобы никто не подумал о готовящемся повышении цен на некоторые ключевые продукты, задумку прячут за пеленой слов: «Важным регулятором и сдерживающим фактором роста цен должна стать конкуренция товаропроизводителей, включая зарубежные фирмы. Для этого надо провести в законодательном порядке демополилизацию производства, торговли, кредитного обслуживания, страхового дела» («Известия», 13 февраля 1992 г.).

Следует сказать, что все эти тезисы, пусть в ряде случаев в несколько измененных формулировках, будут приняты после народного обсуждения и предстанут перед делегатами съезда.

С самой высокой трибуны провозглашается путь к регулируемому рынку. Альтернативой изжившей себя административно-командной системе управления народным хозяйством называется рыночная экономика. Говорится, что, «выступая за поэтапный переход к рынку, КПСС считает необходимым ускорить разработку законодательных и правовых норм и механизмов, обеспечивающих переход на рыночную экономику».

Сразу после этого, 15 февраля, Совет Министров СССР принимает постановление о неотложных мерах по нормализации потребительского рынка, денежного обращения и усилению государственного контроля за ценами. Реализацией предложенных мер народу обещана дополнительная прибавка товарных ресурсов примерно на 8 млрд руб.

Это было последнее из пакета решений и распоряжений союзного правительства, нацеленных на последовательную реализацию правительственной программы оздоровления экономики, стабилизацию рынка и денежного обращения в стране. В него заложили минимум административных мер и максимум мер экономического характера. В частности, обеспечивалось приоритетное снабжение сырьем и материалами предприятий, которые ориентировались на увеличение выпуска изделий для рынка. Рост доходов предприятий ставился в прямую зависимость не от производительности и других абстрактных категорий, а только от прибавки товаров на прилавках магазинов. Что касается изделий детского ассортимента, то всю прибыль (доход) от их реализации — сверх достигнутого в 1989 г. уровня — было предложено оставлять в распоряжении производителей.

Однако речь шла не только о том, чтобы на прилавках стало обильнее. Ставилась задача усиления социальной защищенности населения от необоснованного повышения цен на товары, реализуемые по социально низким ценам. В такой перечень внесли десятки наименований одежды и обуви для детей, а также для лиц старшего возраста. Так, было установлено, что цена костюмов для ветеранов, живущих на не очень-то большие пенсии, не должна была превышать 80 руб., брюк — 23, платьев — 45, сапожек кожаных — 40, ботинок — 15 руб. Таким образом, покупатель с фиксированными доходами получал возможность выбора товара. Были сформулированы и меры, направленные против «вымывания» из ассортимента дешевых изделий, необоснованного увеличения цен на новинки, социально значимые товары. Впрочем, на целый ряд изделий договорные цены устанавливать разрешили. Но надбавка к их цене не должна была превышать 30% (за исключением импортных товаров или изделий, изготовленных на импортном оборудовании, из сырья, закупленного за рубежом). Кстати, ряд товаров именно тогда стал продаваться через сеть коммерческой торговли.

Назовем еще одну меру скорее административного, чем экономического порядка. Речь шла об укреплении дисциплины поставок продовольствия в крупные индустриальные центры, в том числе в Москву и Ленинград. Перебои тогда стали происходить все чаще и чаще, что вызывало недовольство населения. Кроме прямых наказаний предусматривалась и такая мера: меньше поставил регион, допустим, мяса — меньше получишь и кормов.

Пакет неотложных мер рассчитывался всего лишь на один год — 1990-й («Известия», 16 февраля 1992 г.). Делать что-то было необходимо срочно, потребительский рынок рушился на глазах. Целые группы товаров таинственно исчезали из магазинов. Смерчи ажиотажного спроса гуляли над прилавками, повергая потребителя в панику и гальванизируя призрак карточной системы.

Объединенная программа реформ: «время было упущено»

В начале 1990 г. руководитель еще одной группы Совета Министров СССР по подготовке Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике Ю.Д. Маслюков обратился к Л.И. Абалкину с предложением объединить усилия. 17 февраля они отправили свои предложения письмом Н.И. Рыжкову, приложив к нему две записки:

«О предполагаемых мерах нормализации положения в экономике» (1-й вариант) и «О путях преодоления экономического кризиса» (2-й вариант). При этом отмечая, что 2-й вариант предпочтительнее [6, 10, 11].

Д.Г. Левчук: «В частных разговорах с Абалкиным я критиковал Рыжкова за аморфную позицию без четкой платформы и советовал выходить напрямую на Горбачева, чтобы попытаться уговорить его все-таки принять какое-то решение. Ведь все расплзлось, трещало по швам. „Демократия“ приводила к подрыву власти со всеми вытекающими последствиями. Леонид Иванович это понимал не хуже меня, поэтому появилось то письмо с Маслюковым.

➤➤ Многие реальные факты политической и экономической жизни просто замалчиваются и не доводятся до сведения первых лиц в государстве.

Позже, уже на закате работы комиссии, когда дела шли не очень хорошо, Николай Иванович, как-то вечером, после 21 часа, нарушая субординацию, пришел в кабинет к Леониду Ивановичу. Я вытащил все, что у меня было в сейфе „примирительного“ — командиры пытались наладить отношения, переводя их из формальных в дружеские.

Однако время уже было упущено» [12].

В союзном правительстве по поручению Н.И. Рыжкова над программой экономических реформ, которую предстояло представить II Съезду народных депутатов СССР в декабре 1989 г., помимо группы Л.И. Абалкина работали еще несколько групп, не оформленных решениями высокого руководства. Видимо, Николай Иванович как опытный аппаратчик решил подстраховаться. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного планового комитета (Госплана) СССР Юрий Дмитриевич Маслюков и возглавлял главную «резервную» группу. Она занималась основными проработками государственного плана XIII пятилетки (1990–1995 гг.), а ее участники традиционно считали, что для экономики гораздо важнее сначала сбалансировать пропорции промышленного производства. Поэтому, чтобы «не вносить сумятицы», предлагалось отложить радикаль-

ную компоненту экономических реформ еще на два года.

В записке Ю.Д. Маслюкова был прямо поставлен вопрос о политической цене экономических реформ. Авторы, в частности, писали: «Следует совершенно четко представлять, что на первом этапе возникнет ряд серьезных социальных проблем: значительный рост цен, инфляция, что затронет прежде всего малообеспеченные слои населения, появление безработицы. <...>

Для выхода из нарастающего кризиса потребуются серьезные административные меры и полномочия, а также достижение общественного согласия. Имеется в виду отказ на определенный срок (не менее чем на полгода) от забастовок; отмена всех решений о закрытии предприятий, от которых зависит успешное функционирование народного хозяйства; приостановка выборности руководителей предприятий, ряд других мер» [6].

Осуществление этих мер авторами виделось при наличии сильной и авторитетной власти либо в форме дополнительных полномочий Правительства СССР, либо в форме президентского правления.

После этого Н.И. Рыжковым было принято решение вновь вернуться к идеям отвергнутого радикально-умеренного варианта и переработать Концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике с учетом новых, более жестких сроков ее реализации. Именно тогда начнутся работы по созданию правительственной программы рыночных реформ, получившей название «программа Рыжкова — Абалкина». Готовили ее первоначально к совместному заседанию Совета Федерации и президентского Совета СССР в апреле 1990 г. В комиссии Л.И. Абалкина тогда наметилось два способа решения проблемы реформы: «одним ударом» уже с 1 июля 1990 г. или с 1 января 1991 г.

Л.И. Абалкин: «Критической датой для осуществления этого пакета предложений было определено начало 1991 года. Именно к этому времени по строгому графику требовалось подготовить и ввести в действие систему новых законодательных актов, постановления правительства, а также создать необходимые структурные предпосылки: коммерческие банки, товарные биржи, налоговую инспекцию, систему ценового контроля, целый ряд институтов социальной защиты населения и занятости» [6].

Именно тогда, судя по всему, Михаил Сергеевич начал задумываться, как бы ему угодить сразу всем противостоящим сторонам. Впрочем, об этом он думал всегда.

М.С. Горбачев: «Представьте: чуть ли не ежедневно к тебе прорываются на прием руководители различных сфер производства и культуры с предостережениями против поспешных шагов. Пресса полна алармистскими комментариями и прогнозами. Рабочие периодически стачками дают понять, что не потерпят покушения на свой и без того низкий жизненный уровень. Радикалы точат зубы, предрекая провал „горбачевской реформы“. А само правительство пассивно ждет завершения нескончаемых дискуссий в парламентских комитетах, похоже, надо затянуть „паузу“, чтобы не ввязываться в рискованное предприятие» [10, с. 570].

➤ **Экономикой нельзя командовать, она должна подчиняться своим законам, рынку, а не инструкциям и распоряжениям.**

Во время очередного заседания Съезда народных депутатов СССР М.С. Горбачев делает предложение стать его советником Н.Я. Петракову, предупредившему, что он «остается сторонником рыночной ориентации экономики и не отступится от этих взглядов». После чего генсек якобы ответил: «Мне нужна именно такая помощь». Николай Яковлевич принял предложение Горбачева и уже в первых числах января переехал в большой серый дом на Старой площади. Ему поручили разработку тактических и стратегических вопросов перехода к рыночной экономике. Отмечая, что в верхах «продолжалось противоборство между двумя основными тенденциями» — традиционно-технократической и экономической, тяготеющий к рыночным реформам М.С. Горбачев заявлял, что на самом деле к началу 1990 г. выбора уже не было.

М.С. Горбачев: «В первую очередь это поняли... Абалкин и Маслюков... Мне стало известно, что во второй половине февраля в записке, представленной Рыжкову, они предложили осуществить крутой поворот к рыночной экономике, приблизить сроки осуществления практических шагов на пути к рынку» [10, с. 569].

11 марта Совет Министров СССР принимает постановление № 257 «О подготовке материа-

лов для осуществления перехода к плано-рыночной экономике». В конце марта происходят два, возможно, связанных между собой события: годовичное собрание отделения экономики АН СССР, на котором обсуждалась мера ответственности экономической науки за положение дел в стране, и учредительный съезд в Ташкенте новой общественной организации — Ассоциации экстрасенсов СССР. Результаты второго мероприятия не столь интересны, а вот в Москве академик Станислав Сергеевич Шаталин, конечно, в шутку заявил: «Хуже академиков только кооператоры. Это они своими советами довели страну до края, а консерваторы, не без их помощи, грабят народ».

Спор на собрании экономистов шел вокруг принципиальных вопросов, уже сформулированных коллегами в проекте Платформы ЦК КПСС. В частности, что такое «плано-рыночная» экономика? Это странное словообразование, сказал в своем докладе академик С.С. Шаталин, ему также непонятно, как и «социалистический рынок». Академик предложил наконец определить уровень вмешательства государства в экономику, «уяснив в конце концов, что экономикой нельзя командовать, она должна подчиняться своим законам, рынку, а не инструкциям и распоряжениям».

Собрание продемонстрировало кризис старых идей и представлений и заставляло экономических гуру поспешно и нервно искать новые. При этом времени на их осмысление не оставалось. С.С. Шаталин поставил под сомнение также популярное к тому моменту понятие «региональный хозрасчет». Хозрасчет города, улицы, тупика — это, по его мнению, лежало за пределами разума и здравого смысла.

«Как можно оценить и перевести на хозрасчет такой город, как Москва? А вдруг здесь живет и работает некий неизвестный еще Эйнштейн, чьи мысли, чья интеллектуальная продукция стоит миллиарды? Как все это учесть? — недоумевал он. — И странные получаются вещи: территориальные власти осваивают коммерческую ниву, забывая о социальных проблемах. А те, кто должен создавать прибыли, — промышленные предприятия — решают социальные задачи, занимаясь строительством „корпоративно-заводского социализма“...»

«Большинство ратующих за региональный хозрасчет вкладывают в это понятие прежде всего политический смысл. Для меня же хозрасчет —

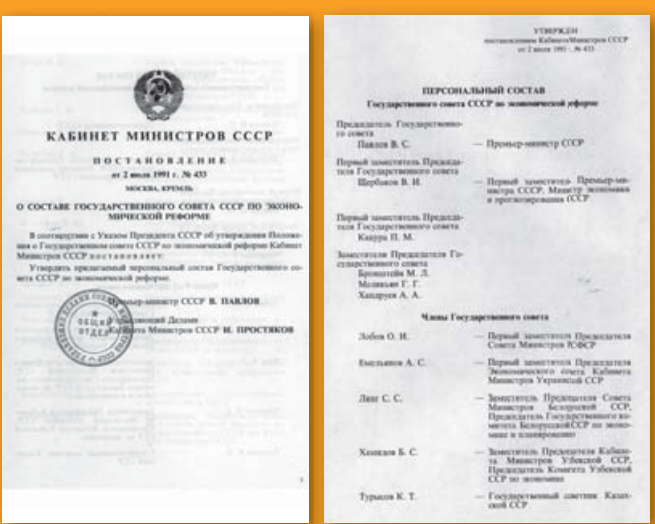
понятие чисто экономическое, реализующееся только в реально производящих продукцию и услуги системах. Ведь не регион производит продукцию, а конкретные предприятия. <...> Можно перевести Кузбасс на хозрасчет, и он, вместо того чтобы добывать уголь, будет выращивать картошку. <...>

Мы создали совершенно ненормальную номенклатурную экономику: предприятия союзного подчинения, союзно-республиканского, республиканского и т.д. Сегодня всем республикам мешают предприятия союзного подчинения. Хорошо, давайте передадим их республикам. Что изменится? Ничего! Просто у них появятся новые начальники. Кому подчинятся „Мицубиси“ или „Дженерал моторс“? Президенту? Какому-то штату или префектуре? Нет, они подчиняются только экономическим и юридическим законам данного государства. Власть вмешивается лишь при нарушении юридических норм».

А ведь идея регионального хозрасчета была введена в оборот на XIX партконференции, видимо, не без участия коллег Станислава Сергеевича. И не случайно наибольшего признания, выразившегося бурными аплодисментами, удостоился народный депутат СССР Н.И. Травкин, строитель-экстрасенс, добивающийся успеха своих организаций «оральным способом», то есть политической деятельностью, выступлениями с трибун. Николай Иванович указал академикам, что тем, кому не хватает мужества говорить правду, как минимум не следует помогать вводить людей

Документы Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе

Документы Государственного совета СССР по экономической реформе

в заблуждение, пугать эксплуатацией и другими «ужасами» иной жизни, какими бы «великими» целями это ни оправдывалось («Известия», 23 марта, 21 апреля 1990 г.).

Однако академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР, членом ее президиума был избран не Н.И. Травкин, а С. С. Шаталин. А еще раньше, сразу после избрания 14 марта М.С. Горбачева Президентом СССР, Станислава Сергеевича назначили членом Президентского совета СССР.

С.С. Шаталин: «Тогда и началась моя борьба с Н.И. Рыжковым и его единомышленниками (а это не 20–25 человек), которая в значительной степени — я глубоко убежден в этом — стала одним из главных факторов гибели СССР. Историки скажут, чей вклад в этот в принципе неизбежный процесс был больше» [13].

...Одобренная II Съездом народных депутатов СССР, после острейших дебатов, правительственная программа преобразования экономики страны, рассчитанная на шесть лет, фактически просуществовала... четыре месяца...

В марте появилась еще одна программа. За три дня до официального вступления М.С. Горбачева на должность президента Н.Я. Петраков инициативно положил ему на стол документ, который назывался «Экономическая программа Президента СССР». Программа была подготовлена совместно с Б.Г. Федоровым, работавшим тогда консультантом в социально-экономическом отделе ЦК КПСС.

Н.Я. Петраков: «В феврале 1990 года мы, застучив рукава, работали над документом, который, как нам казалось, может действительно качественно изменить ситуацию в деле преобразования советской экономики. Мы считали, что Горбачев должен четко сформулировать, почему экономические реформы оказались в тупике. По нашему мнению, ошибка состояла в том, что рыночные реформы пытались осуществить в рамках принятого ранее пятилетнего плана, сохраняя все его показатели. Тем самым осталась нетронутой основа административных методов хозяйствования. Недопустимо затянулся процесс перераспределения функций экономической власти. По сути дела, ничего не было сделано для создания частного сектора в экономике и развития конкуренции. Прежними оставались политика в области цен, налоговая система, ничего не делалось для реформирования банковской системы. Политика государства в экономической сфере должна была превратиться из альтернативы рынку, чем она являлась всегда в условиях советского режима, в политику активной государственной поддержки рыночных структур. Проект экономической программы президента был им изучен очень тщательно, и, надо сказать, что этот документ понравился Горбачеву. Но он не решился обнародовать его за своей подписью» [9, с. 102].

9 апреля академик Л.И. Абалкин изложил позицию правительства по проблемам перевода экономики страны на режим регулируемого рынка, проведя пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. Зампред Совмина, председатель Госкомиссии по экономической реформе фактически признал, что избранный им и его коллегами курс на реформы, так сказать, плавного характера, растянутый во времени, оказался несостоятельным.

Конечно, напрямую это не было сказано. Леонид Иванович только отметил, что новый крутой поворот вызван не конъюнктурными соображениями или чьими-то амбициями, а стратегическим выбором. Ведь и правительственная программа не отрицала рынка, напротив, ставила цель — создать высокоэффективную экономику, восприимчивую к научно-техническим нововведениям, «ориентированную на рынок». Рассказывая о том, чем вызван радикализм в новых подходах, Л.И. Абалкин назвал осложнение экономической ситуации в стране, вызванное региональными и международными конфликтами. Не чем иным, как кризисом, явилось то

➤➤ **Балансирование на двух несовместимых структурах — административно-командной и рыночной — далее не может быть терпимым.**

обстоятельство, что в первом квартале произошло падение объема производства промышленной продукции на 1,2% к уровню первого квартала 1989 года. Далее он ссылаясь на возросшее нетерпение, возбуждение страстей в обществе, не желающего ждать радикальных реформ до 1993 года. По словам академика, еще пять месяцев назад оно было менее возбуждено. Признал он и то, что балансирование на двух несовместимых структурах — административно-командной и рыночной — далее не может быть терпимым.

В результате и появился пакет документов, нацеленных на конструирование экономики регулируемого рынка. В тот момент велась тщательная проработка альтернативных вариантов, прогнозировались возможные последствия нововведений, то есть определялась цена, которую придется заплатить обществу в случае их реализации. «Наше правительство не может рассчитывать на такую мощную общественную поддержку, как, скажем, при осуществлении программы „шоковой терапии“ польское правительство», — пожаловался Л.И. Абалкин, но все же выразил надежду на поддержку прессы, ее участие в подготовке общественного мнения для правильного восприятия «смены курса».

ПЭС 20036 / 13.04.2020

Продолжение следует

Примечание

1. Бюллетень Совета Министров СССР. 1990, 11 марта. № 257.

Источники

1. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс. 2006. С. 533.

2. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д — ФОРУМ, 2011. С. 52, 53.

3. Ростова Наталия. Рождение российских СМИ [Электронный ресурс]. Gorbymedia. 1989, 13 октября. URL: <http://gorbymedia.com/post/10-13-1989>.

4. Мальгин А. Старков. Часть вторая [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://avmalgin.livejournal.com/7410392.html>.

5. Запись беседы Н.И. Кротова с В.А. Покровским. Москва, 16 июля 2019 г. М.: Архив АНО «Экономическая летопись».

6. Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М.: Политиздат. 1991. С. 122, 123.

7. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М.: Прогресс — Культура, 1993. С. 332.

8. Семенов В.Н. Записки финансиста. М.: Изд-во Академии бюджета и казначейства, 2011. С. 159.

9. Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. С. 97.

10. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995. С. 509.

11. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2002. С. 76.

12. Запись беседы Н.И. Кротова с Д.Г. Левчуком. Москва, 20 июня 2019 г. М.: Архив АНО «Экономическая летопись».

13. Шаталин С.С. Жизнь, не похожая ни на чью. М.: Экономическая газета, 2004. С. 45.

